Вчера страна хоронила А. М. Горького

Похоронная процессия на Красной площади. Фото И. ШАГИНА

Речь тов. Н. А. БУЛГАНИНА
(ОТ МОСКОВСКИХ СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

С большим напряжением население города Москвы следило за ходом этой последней и роковой болезни товарища **Алексея Максимовича Горького.**

Трудящиеся Москвы не только теперь, но и всегда раньше с заботой следили за жизнью этого великого человека, за его здоровьем, за тем, как живет и работает великий писатель.

Не было Пленума Московского совета, чтобы депутаты от имени трудящихся не задавали вопросов: как Горький, как его здоровье, как он работает.

И вот 18-го июня, в день смерти этого замечательного человека, правительственное сообщение в течение нескольких минут всколыхнуло весь город.

Все мы были свидетелями вчера и сегодня, как миллионы населения Москвы и Московской области стремились в последний раз взглянуть на своего **Горького.**

В Дом союзов шли сотни тысяч рабочих и служащих, ученых, писателей, шли школьники и пионеры, чтобы засвидетельствовать горячую любовь **своему великому писателю и другу.**

Алексей Максимович жил интересами рабочего класса, интересами народа, успехами и победами нашей Великой Родины.

Живя у нас в Москве, он интересовался тем, что занимает сегодня московских трудящихся.

В разгаре перестройки Москвы на основах, указанных Центральным Комитетом партии и товарищем **Сталиным, Алексей Максимович** горячо, так, как только он может, интересовался тем, как идет дело.

Он восхищался и по-детски радовался успехам наших заводов, радовался, когда с конвейера завода им. Сталина пошли десятки тысяч прекрасных машин.

Он с радостью поздравлял московское население, когда под руководством партии и правительства в Москве был закончен строительством и пущен в ход замечательный московский метрополитен.

Алексей Максимович как-то выразил желание ознакомиться со строительством и перестройкой Москвы.

Он говорил при этом, что куда ни посмотришь, всюду что-нибудь строится, что это, может быть, только у нас, где руководит делом правительство народа и большевистская партия.

Вместе с руководством московских партийных и советских организаций **Алексей Максимович** об'ехал новые школы, вновь выстроенные хлебозаводы, он живо интересовался ходом дела. В школе он знакомился с успеваемостью детей, с работой учителя, давал ценные советы. На хлебозаводе он рассказывал, как работал он, и сравнивал этот хлебозавод с прежней тяжелой работой рабочих в царской России.

И когда он в тот раз, в конце этой поездки, приехал в только что законченный строительством Дворец культуры в Пролетарском районе, он заявил там окружавшим его, что теперь рабочий класс добился того, о чем он мог лишь мечтать всю свою жизнь.

Он бесконечно радовался тому, что дело рабочего класса, из которого он вышел, дело нашей большевистской партии, за заветы которой он боролся всю свою жизнь, победило бесповоротно и окончательно.

Он жил чувством замечательных побед, которыми жили, живут и будут жить все народы нашего Великого Советского Союза.

Московский областной и городской комитеты партии, Моссовет и Областной исполнительный комитет сегодня над прахом этого замечательного человека призывают всех рабочих, работниц и всех трудящихся быть так же, как и **Горький,** до конца и беззаветно преданными делу трудящихся масс всего мира, делу нашей великой Коммунистической партии, делу **Ленина—Сталина.**

Речь тов. Алексея ТОЛСТОГО
(ОТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)

У художника, глубоко и правдиво отражающего революционные эпохи истории, каким был Горький, у творца, ведущего за собою человечество для создания освобожденного мира, каким был Ленин, — у великих людей не две даты их бытия в истории—рождение и смерть, а только одна дата: их рождение.

На этой древней площади, где народ тысячелетия создавал для себя государство и где создал для всех высшие формы государства, мы собрались, чтобы поставить в Пантеоне урну с прахом нашего народного и мирового писателя.

Дата рождения художника-Горького—девятисотые годы. Юноша Пешков собрал в дивном фокусе своей души все взрывчатые силы той предреволюционной эпохи: собрал весь гнев униженных и эксплоатируемых, все томительное ожидание, все страсти, которым не находилось выхода.

Он своими боками испытал чугунную крепость купеческих, мещанских и полицейских кулаков. Он не раз дрался, как бешеный, один против многих в защиту оскорбляемых и унижаемых.

И вот в девяностых годах этот высокий, худой, сутулый, голубоглазый юноша, с душою дерзкой и пламенной,—в те страшные годы угнетения и напряженной тишины, — поднял бунт.

У кого живое сердце, сказал он, разбивай вдребезги проклятое мещанское оцепенение, уходи на просторы, зажигай костры вольной жизни!

Широкими мазками, торопливо и гениально он рисовал тупое и зверское лицо класса эксплоататоров. Вот она—российская, вымазанная постным маслом ненасытная харя. Любуйтесь!

Я еще был мальчиком, я помню то впечатление грандиозного взрыва, отдавшееся по всему миру. В затхлой, казалось бы такой прочной, буржуазной жизни была пробита брешь, куда устремились все, у кого было живое сердце.

В какой-нибудь год имя Горького облетело весь мир. Он стал предтечей революции, ее буревестником.

Близость к Ленину организовала его бунт, устремила его искусство к ясно намеченным и конкретным целям.

Близость к Сталину организовала его работу: кроме личного творчества, он взял на себя огромную и важную задачу руководства советской литературой. Он гневно и непреклонно вел советскую литературу на мировые высоты. Он вел советскую литературу единственным ее путем,— реализма, культуры, правды, широкого и глубокого познания всего многообразия нашей советской жизни.

Его руководящей идеей была формула Ленина: «Само стремление к обхвату общего — уже спасает нас от косности».

Таков путь советской литературы: стремление охватить как можно больше, как можно глубже, как можно правдивее нашу сложную, творческую, растущую, небывалую жизнь. На-страже этого стремления стоял и стоит бессмертный Горький.

Товарищи, не похоронным маршем, а победной песней жизни встречаем великого художника, живущего с нами и продолжающего помогать нам своим неувядаемым словом нести высоко, все выше факел советского искусства.

Да живет вечно Горький в наших сердцах и в наших творениях!

Речь тов. Андрэ ЖИДА*)
(ОТ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ)

Смерть Максима Горького омрачила не только советскую страну, но и весь мир. Великий голос русского народа, который доходил до нас через Горького, нашел себе отклик в самых далеких странах. И вот почему я здесь выражаю не только свое личное горе, но горе французской литературы, горе европейской культуры, горе культуры всего мира.

Культура долгое время была преимуществом привилегированного класса. Чтобы овладеть культурой, надо было иметь досуг. Целый класс трудился, чтобы дать возможность небольшому числу праздных людей наслаждаться жизнью, пополнять свои знания. Сад культуры, литературы и искусства был частным владением, куда имели доступ не самые развитые, не самые способные, но те, кто с детства не знал нужды. Всегда было очевидно, что ум не обязательно связан с богатством. Во французской литературе такие люди, как Мольер, Дидро, Руссо, вышли из народа, но их читатели все были людьми, имевшими досуг.

Когда Великая Октябрьская революция всколыхнула глубокие пласты народов, на Западе говорили и повторяли и даже почти верили в то, что этот огромный вал затопит культуру. Разве, говорили некоторые, культура, как только она перестает быть привилегией немногих, не находится в опасности? В ответ на этот вопрос писатели всех стран сплотились в сознании непреложного долга: да, культура в опасности; но опасность ей угрожает никак не со стороны освободительных и революционных сил: наоборот, она угрожает со стороны тех слоев, которые пытаются подчинить себе эти революционные силы, сломить их, наложить свое иго на самый разум. Угрозой для культуры являются фашизм и узкие искусственные национализмы, которые не имеют ничего общего с настоящим патриотизмом, с глубокой любовью к своей стране. То, что угрожает культуре, — это война, к которой неотвратимо ведут эти злобные национализмы.

Я должен был председательствовать на международной конференции писателей для защиты культуры, которая сейчас происходит в Лондоне.

Тревожные вести о состоянии здоровья Максима Горького заставили меня поспешить в Москву. И на этой Красной площади, которая видела уже столько славных и трагических событий, с этого мавзолея Ленина, на который устремлены все взоры мира, я хочу громко заявить от имени писателей, об'единенных в Лондоне, и от моего собственного имени, что заботу о защите культуры должны взять на себя великие международные революционные силы. Они должны ее защищать и придать ей новый блеск. Судьба культуры для нас непосредственно связана с самой судьбой СССР. Мы будем защищать их.

Так же как над частными интересами каждой страны стоит великое единое стремление к сплочению пролетариата всех стран, так над каждой национальной литературой расцветает культура общая и единая для всех наций: культура, выросшая из того, что поистине живо и человечно, в особенностях литературы каждой страны, «национальной по форме, социалистической по содержанию», как нам сказал товарищ Сталин.

Я часто писал, что чем больше у писателя своего, характерного, тем более широкий круг он привлекает к себе, потому что, будучи более индивидуальным, он оказывается тем самым более человеческим. Ни один русский писатель не был более русским, чем Максим Горький. И ни к одному из русских писателей не прислушивались с таким вниманием во всем мире.

Я видел вчера, как шел народ мимо гроба Максима Горького. Я мог бы бесконечно смотреть на это несметное число женщин, детей, трудящихся всех профессий, чьим другом и глашатаем был Максим Горький, я с грустью думал о том, что эти самые люди во всякой другой стране, кроме СССР, были бы теми людьми, для которых был бы запрещен вход в этот зал; теми самыми людьми, которые у входа в сады культуры наталкиваются на страшное: «вход запрещен», «частное владение». И слезы навертывались у меня на глазах при мысли о том, что то, что здесь уже так естественно, кажется мне, западному человеку, еще таким удивительным.

И я думал также, что здесь, в Советском Союзе, есть нечто новое и неожиданное: до сих пор во всех странах света крупный писатель почти всегда был в той или иной степени мятежником и бунтарем. Более или менее сознательно, с большей или меньшей ясностью он думал, он писал всегда против чего-нибудь. Он не соглашался ничего одобрять. Он вселял в умы и сердца брожение непокорности мятежа. Сановники, власти, если бы они умели предвидеть, без сомнения угадали бы в нем врага.

Сейчас в Советском Союзе вопрос впервые стоит иначе: будучи революционером, писатель не является больше оппозиционером. Наоборот, он выражает волю масс, всего народа и, что прекраснее всего, волю его вождей. Эта проблема как бы исчезает, и эта перестройка настолько необычна, что разум не может его сразу осознать. И это лишь одно из многого, чем может гордиться СССР в эти замечательные дни, которые продолжают потрясать наш старый мир. Советский Союз зажег в новом небе новые звезды, открыл новые проблемы, о существовании которых мы по сей день не подозревали.

На долю Горького выпала удивительная и славная судьба—связать этот новый мир с прошлым и перебросить мост в будущее. Он видел гнет позавчерашнего дня, трагическую борьбу вчерашнего. Он своими мощными силами помог уверенной, сияющей победе сегодняшнего дня. Он был выразителем тех, кто еще сам не мог поднять свой голос, и тех, чей голос уже звучит сейчас. Отныне Максим Горький принадлежит истории. Его место в ряду самых великих.

*) Говорит по-французски; его речь на русский язык переводит т. М. Кольцов.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСАТЕЛИ о А. М. ГОРЬКОМ

Наш парижский корреспондент обратился к ряду крупнейших французских писателей с просьбой высказаться по поводу потрясшего весь мир события—смерти А. М. Горького. Приводим некоторые из полученных им ответов.

Люк ДЮРТЕН

Максим Горький был глубоким и подлинным поэтом нищеты, боли и тоски прошлого. Абсолютно правдивый, во всем естественный, он безоговорочно присоединился к гигантскому движению коммунизма, которое уничтожило это прошлое. Его искусство — великий пример для писателей нового поколения, которым выпало единственное счастье в мире воспользоваться новыми человеческими темами, описать нового человека.

Шарль ВИЛЬДРАК

С 25-летнего возраста я узнал и полюбил русских рабочих, русских крестьян. Я мысленно разделял их жизнь, их нищету, их восстания, их мечты, и все это благодаря живому и патетическому раскрытию русского народа в творениях Горького. Таким образом страстной приближенностью западного интеллигента к Великой Октябрьской революции я обязан Горькому. Это только одна из причин и далеко не самая ничтожная, почему сегодня я глубоко и полностью разделяю траур моих советских товарищей.

Анатоль де-МОНЗИ

Прошлой ночью меня разбудил телефонный звонок из Москвы. Незнакомый голос спросил, как я переживаю смерть Горького. Этот ночной вызов меня глубоко тронул и был мне лестен. Значит в стране, где все идет так быстро, еще помнят того француза, который в 1923—1924 годах требовал и добился признания Советского Союза Францией. Я подумал о том всемирном потрясении, которое в свое время вызвала смерть Льва Толстого, умиравшего на вокзале в Астапове. Россия знает горести, которые сообщаются всему миру, она знает, что ее траур—траур всемирный. Горький был народным Мопассаном, реалистом и пророком, одним из тех людей, чья суровая нежность так драгоценна всем народам. Это писатель, которому не нужна легенда о нем, и это дает ему превосходство над Львом Толстым. Как бы высоко он ни взлетел, он никогда не забывал коснуться земли, как это делают все великие учителя Правды. Смерть Горького как величайшую потерю чувствует не только Советский Союз, но и Франция.

Андрэ ВИОЛИС

Все было сказано о таком человечном гении. Когда давно, до войны, я прочла «Мать» и «На дне», я стала расспрашивать, кто этот потрясший меня до глубины души писатель, и тогда я испытала чувство, которое вы, молодые товарищи, с трудом поймете. Писатели той эпохи были буржуа, жили в довольстве, описывали только людей бездельных, любовные приключения, выдуманные страсти, пустую игру ума. Это были чиновники от литературы. Правда, Золя писал книги о рабочих и крестьянах, но он описывал их с об'ективным спокойствием ученого, а не как равный, живший их жизнью.

Вот мне сказали: Горький—рабочий, он сам все проделал, был бурлаком, сапожником, поваром, пильщиком и многим и многим еще, он сам знал голод и холод, одиночество, несчастье. Тогда я поняла, откуда взялась эта величавая взволнованность и пронзительная правда и любовь к миллионам людей, живущих без настоящей жизни. В первый раз я поняла, чему должен учиться интеллигент у рабочего и как они должны об'единиться, чтобы построить новый мир.

Сегодня все это банальность. Но тогда это определило всю мою жизнь. Необходимость революции я поняла благодаря Горькому.

Вот почему его смерть для меня равнозначна смерти учителя, духовного отца.

Андрэ ШАНСОН

Люди, которые в едином порыве сердец борются за жизнь, никогда не останавливают ее даже ради самых великих, самых дорогих мертвецов. Но в тот день, когда гордость мира — Москва — провожает прах Горького до порога его могилы, в ее рядах идут образы, созданные им. Он дал им вечную жизнь, и они останутся с нами как участники нашей борьбы, нашей жизни, они не раз еще помогут нам находить верный путь. Это — не призраки, это — сама жизнь, созданная гением. А с ним и сам Горький не уйдет из нашей жизни. Мы идем дальше вместе с ним.

«Горький был моим вторым отцом»...
Переписка А. М. с комсомолкой Верой ЖАКОВОЙ

В гор. Горьком живет сейчас молодая писательница, комсомолка Вера Жакова. Она приехала сюда со специальным заданием Алексея Максимовича работать над «Историей Горьковского края».

— Горький был моим вторым отцом,— рассказывает Вера Жакова.—В 1928 г. я послала Алексею Максимовичу свои первые отвратительные стихи. Мне было тогда 13 лет. Как-то, вернувшись из школы, я чуть не обезумела от радости, получив письмо от великого писателя. Прочитала: «Стихи безусловно очень плохие. Но работать следует».

Начала, работать, работала долго и много. Алексей Максимович присылал мне книги, советовал, ободрял. Мы жили тогда на Дальнем Востоке, в Благовещенске.

До последнего времени мы поддерживали с Алексеем Максимовичем дружескую связь. Он читал каждую мою работу, читал внимательно, придирчиво, выбрасывал лишние слова, ставил запятые. Горький очень любил молодежь и умел воспитывать ее, не стесняя инициативы.

Тяжела утрата... Нет живого Алексея Максимовича, но он всегда со мной, он дал мне счастливую творческую молодость, и я всю жизнь отдам его памяти.

ГОРЬКИЙ.

(По телефону.)

Письма Алексея Максимовича

I.

«Жаковой Вере. Премудрая, уважаемая и нелепая девушка в очках!

Ваше умение читать книги — восхищает меня. Я говорю это очень серьезно и с крепкой надеждой, что вы со временем научитесь писать весьма полезные книги.

Но всякое дело надобно начинать сначала, а поэтому прочитанного вами по истории рифмы — недостаточно. Вы сами видите, как суб'ективны и противоречивы соображения литераторов, чьи труды прочитаны вами.

Противоречивость, разногласия и словесная путаница литераторов была бы для вас относительно более ясной, если бы вы обратили внимание на фольклор—на пословицы, прибаутки, на материал хороводных, плясовых-шуточных песен. Если вы серьезно решили заняться работой о рифме, фольклор надобно знать, ибо в основе «писанной» литературы лежит устная.

Надобно знать европейские работы по этому вопросу. На каких языках читаете вы? Сообщите мне это немедля! Я достану вам нужные книги и привезу оные.

И до свидания!

Скоро увидимся, и я буду злобно издеваться над вами, ведьма и — еретица.

Уважаемый вами старик **А. ПЕШКОВ.**

5 апреля 1932 года».

II.

«Внимание, девица Жакова, Вера!

Немедленно, по получению сего моего приказа, начните:

Собирать факты, кои в одну сторону свидетельствуют об инициативе различных «мелких» людей, а в другую сторону — о том, как эту инициативу не понимали и подавляли.

Имею в виду пономаря, который «изобрел огнедышащую машину в 1772 году», как сказано в письме вашем, окаянная душа. Вот таких-то пономарей и прочих сего рода соберите десятка три-четыре и подумайте: не окажется ли возможным установить, что разный мелкий «ничтожного положения народ» самосильно пытался ввести или внести в жизнь нечто облегчающее или украшающее ее, — старался за свой страх и бескорыстность послужить делу культуры, а люди «высокого положения» и предельной сытости эти усилия ничтожных игнорировали. Вы понимаете?

Обдумав сию тему, сядьте и разработайте ее размером в лист-полтора. Статью ж нужно написать живо и просто, как вы, чертовка, пишете безумные ваши письма. Написав статью, вы притащите Горькому М., наместнику Горьковского края, и выслушаете от него различные словесные поношения, после чего статья может быть напечатана.

Вот вам. А то вы, девушка, расползаетесь во все стороны, как тень облака, гонимого ветром. Накопляя фактические знания, вы недостаточно уделяете внимания их социальному смыслу, не ищете его.

Обратите внимание на Зарубина, автора повести «Темные и светлые стороны русской жизни», он был землемер, человек провинциальный, что-то изобрел, изобрел какие-то геофизические измерительные аппараты, кои не нашли применение. О нем в «Отечеств. записках» писал Деметр, кажется, в статье «Поездка по Волге». Кулибина не забудьте. Вообще — старайтесь! Хорошо сделаете, куплю полкило конфет, не очень дорогих, разумеется.

До свидания! Надо бы взглянуть, какая вы теперь.

А. ПЕШКОВ.

5 августа 1933 года».

III.

«Девушка, Вера Жакова!

Прочитал о «Коне». Весьма интересно и хорошо написано. Продолжая в этом духе и по этой линии, вы можете дать очень ценную книгу ярких иллюстраций к истории русской культуры. Крайне важно отметить, что в далеком прошлом мастерами культуры являлись зачастую такие же простые «черные» люди, какие создают ее в наши дни, но уже на иной социально-идеологической основе.

Найдите старые гравюры московского Кремля и вообще палатного строения,— иллюстрируем книгу... Работайте так, чтобы не получилось коряво, в чем вы сознаетесь в письме ко мне. Вы девушка даровитая и должны работать очень серьезно, очень тщательно. Это ваша обязанность не только пред страной, но и пред самой собой. Не торопитесь «написать». Если вам нужны деньги — возьмите у Крючкова, сколько нужно.

Крепко жму руку. Работайте больше, это вам полезно, девушка в очках.

М. ГОРЬКИЙ.

14 марта 1934 года».

IV.

«Дорогая девушка, Жакова Вера!

Вы очень торопитесь. Торопитесь не только писать, но и думать, а привычка думать поспешно может — незаметно для вас — разбить, рассеять ваши литературные дарования да и ваш вкус к истории.

Касаясь материала весьма ценного и нового, вы оставляете следы Ваших пальчиков, — не более этого. А материал заслуживает серьезного к нему отношения, тщательной обработки...

...Не торопитесь, Верочка, дитя мое! Литература это труднее, чем любовь. Вам грозит болезнь, которую можно назвать: перенасыщение и утомление неорганизованным знанием, перенасыщение, которое может превратиться в отвращение к знанию.

Относитесь к этим моим замечаниям серьезно, ибо я серьезно, искренно желаю вам хорошего здорового роста. Не суетитесь.

Тимоша приглашает вас в Горки.

А. ПЕШКОВ.

19 мая 1934 года».

V.

«Верочка! Китайское чудовище и ведьма!

Еще раз повторяю вам: если вы станете разбрасываться — толку из вас не будет. Талант — как породистый конь, необходимо научиться управлять им, а если дергать повода во все стороны, конь превратится в клячу.

Если вас «дезорганизует» ваша жажда впечатлений и обилие их — заведите дневник и складывайте в него все лишнее, что не нужно вам на сей день. А если вы одновременно будете писать о Федоре Коне, герцогах Д'Эсте и метрополитене — вы обо всем будете писать плохо и недостойно вашего дарования. Да еще неврастению наживете, чортова кукла, аристократка и вообще — чучело.

Я вам совершенно серьезно говорю: нельзя работать так, как вы работаете. Литература дело глубоко ответственное и не требует кокетства дарования.

Привет! Призываю к порядку.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ.

17 июня 1934 года».

VI.

«Уважаемая, окаянная и проклятая девушка — не заводите суматоху!

Вы много знаете, не плохо говорите, но делаете вы мало и всегда хуже, чем могли бы. Весьма сожалею, что мне приходится повторять то, что я уже говорил вам, и не скрою,— повторения эти надоедают мне. Хочется, чтобы они надоели и вам.

Мы уговорились, что вы напишете очерк по истории города и края в XIX столетии. Убедительно прошу вас вместить работу вашу в эту рамку. Если вы находите неизбежным корректировать очерк Г. П. Шторма — договоритесь с ним. Прошу вас считаться с тем, что на работу по этой книге уже затрачены большие деньги и ее пора двигать быстро, плодотворно. Давайте на этом и решим.

Но— я имею предложить вам вот что: если собранный вами материал соблазняет вас на большую, серьезную работу,— начинайте писать по плану, набросанному вами в письме ко мне — самостоятельную работу «История гор. Нижнего-Новгорода от основания до XX века». Эту работу я заказываю и оплачиваю, и она должна быть для вас серьезнейшей «пробой пера», пробой сил. Если она даже и не удастся вам, — она многому научит, покажет размер ваших сил. Я даю вам для нее 18 месяцев. Идет?..

Но, пожалуйста, не торопитесь с обобщениями и филологическими фокусами. У вас, напр., «Балахна» — от балак. Ну, а балахон, бланда, балакирь, балагур, баловень и т. д. По-татарски рыба — балык, а не балак. Может быть, балхне родственны Балашов и Балаклава, но очень советую филологией не играть, эта штучка хрупкая.

Перечисляя старинные города, вы забыли Мурашкин, Лысково, Макарьев и т. д., забыли Оку, эта река имела для развития края значение не меньшее, конечно, чем Сура, Ветлуга, Клязьма. Так вот, девушка, согласитесь на это разделение работы вашей. Отвечайте.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ.

1935 г. Октябрь».

VII.

«Вере Жаковой. Очень рад сказать вам, что о Кулибине вы написали хорошо, гневно, горячо, ярко и все в меру. Чувствуется, как тема волновала вас, и это волнение испытываешь. Уверен, что также испытывает его любой грамотный читатель. Вещь эту надобно издать вместе с другими биографическими очерками вашего пера, интересная книжка будет.

«Нижний» требует кое-каких поправок. Прилагаю «указатель» оных.

Теперь, когда вы, наверное, поняли, как важно отдать всю свою волю определенной задаче, я почти уверен, что дальнейшая работа пойдет у вас легко и быстро.

Поменьше пишите о Горьком-литераторе. Говоря о судоходстве, наверное что-то скажете о бурлаках, а говоря о них, вероятно вспомните «Эй, ухнем». Смело можете утверждать, что это песнь не бурлацкая, т. е. не та, с которой бурлаки тянули лямку. Тянули они ее

«С болезненным припевом ой
И в такт качая головой», — как сказано у Некрасова, воочию видевшего все это. А пели они:

«Ой-ой-ой — е-ей
Дует ветер верховой...» или нечто в этом духе, пели:

«Ты подай, Микола, помочи,
Доведи, Микола, до ночи...»

И не было у них никаких причин вносить в трудовую песню слова из девичьей песни:

«Разовьемте березу,
Разовьемте кудряву»... и т. д.

Пели и «Эй, ухнем», но в тех случаях, когда «паузились», стаскивали баржу с мели, артельно ворочали большие тяжести, пели так:

«Эй, ухнем!
Эй, ухнем!
На под'ем берем,
Да — ухнем!
Эх — сильно берем
Да и дружно берем!
В-о-от пошли!
Вот пошли, пошли!» и т. д.

Очень рад я, что «Кулибин» удался вам!

Будьте здоровы, растите большая!

МАКСИМ ГОРЬКИЙ.

25 апреля 1936 года».